

ОЛЬГА ВЛАСОВА

Герберт Шпигельберг и прикладная феноменология

Две книги Герберта Шпигельберга известны во всем мире. Во-первых, это «Феноменологическое движение»¹ — масштабное исследование, переведенное на русский язык в 2002 г. Во-вторых, это не менее известная на Западе «Феноменология в психологии и психиатрии»², к сожалению, до сих пор не знакомая русскоязычному читателю. Основной чертой обеих книг является их всеохватывающий, поистине энциклопедический характер: количество перечисленных имен действительно впечатляет. Поскольку первая работа доступна русскоязычному читателю в переводе, здесь мы остановимся на второй известной книге Шпигельберга — «Феноменология в психологии и психиатрии».

Эта книга, пожалуй, является самым всеобъемлющим изданием по данной тематике на Западе. Практически ни одна работа по экзистенциально-феноменологической психиатрии не обходится без ссылки на монументальный труд Шпигельберга. Для англоязычного читателя эта работа явилась первой книгой, которая представила совершенно неизвестный и очень своеобразный пласт исследований на границе между философией, психологией и психиатрией. Если предмет первой книги можно очертить как собственно феноменологию, то вторая посвящена феноменологии прикладной.

Область психологии, психопатологии и психиатрии Шпигельберг называет той сферой, где феноменология приобрела особенно большое значение. Именно самобытностью феноменологических исследований, их своеобразием в психологической науке, а также в психиатрической клинике он и аргументирует потребность написания отдельной работы.

¹ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / Пер. с англ. под ред. М. Лебедева, О. Никифорова. М.: Логос, 2002.

² Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry: A Historical Introduction. Evanston: NorthWestern University Press, 1972.

В своей первой книге «Феноменологическое движение» он писал: «... следует с самого начала заметить, что в отношении Феноменологического Движения в целом настоящая история остается заведомо несовершенной. Поскольку в данном исследовании вовсе не фигурируют или лишь бегло возникают имена Германа Вейля, Карла Яспера (в качестве психопатолога), Людвига Бинсвангера, Эрвина Штрауса и Эжена Минковски, то может возникнуть ощущение, что важнейшие части общей картины отсутствуют. (...) В настоящий момент я могу лишь открыто признать этот недостаток книги и выразить надежду, что если не я сам, то хотя бы кто-то сможет когда-нибудь восполнить этот пробел»³. Как замечает и сам автор во второй своей работе, его надежды не сбылись, и поэтому ему пришлось самому взять на себя смелость реализовать эту задачу.

Материалы, представленные в книге Шпигельберга, получены из первых рук. Он не только ознакомился с первоисточниками, которые благодаря своему немецкому происхождению мог свободно читать, но лично общался с теми, чьи взгляды представлены на страницах его *opus magnum*. Благодаря личному знакомству, он получает доступ к большому количеству материалов, до сих пор не опубликованных даже на родном языке, главным образом, переписке.

Шпигельберг обращается как к психологии, так и к психиатрии. Работа состоит из двух частей: «Вклад феноменологии в психологию и психиатрию: общая картина» и «Исследование ведущих фигур феноменологической психологии и психиатрии». Он фактически не разделяет психологию и психиатрию в описании влияния на них феноменологии, аргументируя такую позицию чрезвычайно высокой степенью их пересечения. Конечно же, он понимает психологию и психиатрию в их традиционном и общепринятом смысле. Кроме психиатрии Шпигельберг выделяет как сферы влияния феноменологии психопатологию и психоанализ, дифференцируя их как от психологии, так и от психиатрии. Психопатология определяется, прежде всего, как теоретическая дисциплина, предметом которой служат психические расстройства, психиатрия же — в большей мере как клиническая практика.

В первом разделе затрагиваются как традиционные для исследований по истории феноменологии фигуры Ф. Brentano, К. Штумпфа, Э. Гуссерля, А. Pfендера, М. Гайгера, М. Шелера, М. Хайдеггера, Н. Гартмана, Г. Марсея, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, П. Рикера (что фактически повторяет первую работу Шпигельберга), так и такие испытывавшие влияние феноменологии направления, как Гёттингенская школа психологии (Д. Катц, Е. Рубин, В. Шапп, Г. Гофман), Вюрцбургская школа (А. Мессер, К. Бюлер, Н. Ах, О. Зельц), гештальт-психология (М. Вертгеймер, К. Коффка, В. Келер, А. Гурвич, К. Дункер, К. Левин). Отдельная глава первого раздела касается распространения феноменологии в континентальной психологии после Второй мировой войны.

³ Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. С. 17.

При этом каждый из параграфов, посвященных конкретному мыслителю, разбит на традиционные для Шпигельберга подпараграфы «Место в феноменологическом движении», «Путь к феноменологии», «Феноменологическая концепция», «Конкретные феноменологические исследования», «К оценке феноменологии...».

Эта работа, как и первая, имеет подзаголовок «Историческое введение», и поэтому такой энциклопедический охват полностью оправдан. Характеризуя замысел и значение своей работы, Шпигельберг пишет: «Эта книга, как и предшествующая, выступает прежде всего как пособие. Ее задача — разбудить у читателя интерес, но это не значит, что он должен прочитать ее от корки до корки. (...) Я не разделяю саморазрушительное высокомерие многочисленных авторов, которые говорят своим потенциальным читателям, что они обязаны прочесть каждое слово текста перед тем, как выносить о нем какое-либо суждение. Я надеюсь, что смогу наметить перспективы и стимулировать дальнейший интерес даже к более сложным областям»⁴. Нам кажется, что эта задача Шпигельбергом полностью реализована. Его книга действительно инициирует дальнейшие исследования и служит источником нового.

Любопытен выбор основных фигур феноменологического движения в психологии и психиатрии. Как и в первой книге, здесь собраны имена различных по профессии, исследовательским интересам и самоидентификации ученых, каждого из которых Шпигельберг вплетает в нить «феноменологического повествования». Это К. Ясперс, Л. Бинсвангер, Э. Минковски, В.Э. фон Гебзаттель, Э. Штраус, Ф.Я.Й. Бьютендик, К. Гольдштейн, П. Шильдер, М. Босс и В. Франкл. Шпигельберг не принимает уже принятого в то время в западной науке разделения феноменологически ориентированной психиатрии на собственно феноменологическую психиатрию и экзистенциальный анализ, но это тем не менее не вредит структуре книги.

Необходимо помнить, что «Феноменология в психологии и психиатрии» написана в 1972 г., и многие ее «персонажи» тогда еще продолжали свои исследования. Были живы Минковски, Гебзаттель, Штраус, Бьютендик, Босс и Франкл. Феноменологическая психиатрия и феноменологическая биология только формировались как область исследования. Но несмотря на это, те линии, которые проводит Шпигельберг в своей работе, и те выводы, которые он делает, сегодня не выглядят поспешными и необоснованными.

Конечно, феноменология приходит в психологию и психиатрию не только «по своей инициативе». Кризис начала XX века в этих науках проходит в условиях дефицита методологической базы. Именно поэтому психиатрия обращается к философии в поисках метода, а психология пытается на основании феноменологических исследований психических феноменов обосновать свои собственные процедуры. Это

⁴ Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry. P. XXXII.

приводит к образованию междисциплинарного пространства на пересечении философии, психологии и психиатрии, в которое и внедряется феноменология. «Философы-пуритане, — пишет Шпигельберг в конце своей книги, — время от времени отрицали, что может существовать что-то вроде феноменологической психологии и психиатрии с приемлемыми философскими основаниями. (...) Проведенный анализ может, по крайней мере, уверить скептиков в том, что между феноменологической философией и такими науками, как психология и психиатрия, существуют очевидные связи. Кроме того, книга должна была показать, что феноменология — это больше, чем философская теория, и что она чрезвычайно плодотворна для гуманитарных наук»⁵.

Важнейшей задачей Шпигельберга становится определение степени влияния на развитие психологии и психиатрии, а также его путей и особенностей. Он совершенно справедливо подчеркивает, что феноменологическая ориентация представителей феноменологической психологии и психиатрии проявляется скорее в практике, чем в теории. Так, он пишет о Бинсвангере: «Ясно, что поскольку он является прикладным феноменологом, важнее обратить внимание на то, что он делает, чем на то, что он говорит о феноменологии»⁶. Мы не можем назвать это феноменологией в классическом и традиционном смысле этого слова, который придается ему в отечественной и иногда западной литературе. Тем не менее это не означает, что феноменологическая психиатрия и психология никакого отношения к феноменологии не имеет. Напротив, она прямое ее продолжение, и связана скорее с экстенсивным, чем с интенсивным развитием. Это прикладная феноменология, метафеноменология.

Шпигельберг говорит о том, что утверждать о непосредственном личном влиянии феноменологов на представителей психологии и психиатрии вряд ли возможно. Известно, что многие из них посещали семинары Гуссерля, Пфендера и Шелера, но это, на его взгляд, не имело сколько-либо существенного влияния. Влияние феноменологии было неличным: через работы феноменологических философов, в особенности такие как «Логические исследования» Гуссерля и «Бытие и время» Хайдеггера. Таким же незначительным, по мнению Шпигельберга, было и прямое влияние феноменологии: ни один из феноменологов не давал прямых инструкций по проведению исследований в психологии и психиатрии и не указывал их наиболее перспективные области. О прямом влиянии, по его мнению, можно говорить лишь в отношении идеи Гуссерля об интенциональности и Хайдеггеровой идеи бытия-в-мире. К этому набору мы бы еще прибавили призыв Гуссерля обратиться к самим вещам.

Феноменология, подчеркивает Шпигельберг, проникла в психологию и психиатрию путем неличных и косвенных влияний. «Важ-

⁵ Ibid. P. 359.

⁶ Ibid. P. 217.

нее, — пишет он, — уделить внимание трансформациям, искажениям и упрощениям, которые имели место в этом пространстве. (...) В утешение можно привести слова Этьена Жильсона о том, что история философии — это, главным образом, последствия продуктивных ошибок»⁷. Самой известной ошибкой в обсуждаемой области, как мы помним, была ошибка Бинсвангера. С помощью экзистенциальной аналитики Хайдеггера Бинсвангер попытается преодолеть субъект-объектную оппозицию и исследовать целостное существование человека в мире. Однако он не просто развил выдвинутые им положения. Совершенно своеобразно соединив их с кантианством, он ввел конструкт экзистенциально априорных структур человеческого существования, применив тем самым онтологию Хайдеггера к конкретному человеку. Позднее он признает, что его оригинальная интерпретация фактически была основана на ошибочном понимании экзистенциальной аналитики, которое повлекло за собой попытку использовать онтологическую структуру человеческого существования для понимания бытия как такового.⁸ Ханс Кунц назовет это продуктивной ошибкой Бинсвангера. Именно этой продуктивной ошибке, экзистенциальный анализ как область на пересечении философии и психиатрии обязан своим рождением.

Феноменология, подчеркивает Шпигельберг, не должна конкурировать с психологией и психиатрией. Его поддерживают практически все исследователи, теорий которых он касается в своей работе. Философский, феноменологический базис никогда не сможет заменить естественно-научную основу. Феноменология, как философское направление или движение, должна помогать науке, обогащая и укрепляя ее основания, направляя ее интерес и поддерживая основные методы и процедуры.

Тем самым, феноменология в том виде, в каком она представлена в феноменологической психологии и психиатрии не идентична философской феноменологии. Она преследует другие цели и превращается из феноменологической теории в практику феноменологии. Следуя призыву «назад к вещам», она проникает в различные отрасли медицины и этологии, доказывая тот статус, который придавал ей Гусерль, — статус универсального метода науки.

⁷ Ibid. P. 356–357.

⁸ Ibid. P. 204.